

Молитва о любви

Чувства людей великих, наделенных талантом облекать в гармоничную словесную форму то, что волнует не только их сердца, но сердца всех людей на земле, всегда казались «простым смертным» чем-то загадочным и недоступным. Премьера Орловского академического театра «Прощальный свет. Драматическая поэма о Федоре Тютчеве» (режиссер-постановщик — заслуженная артистка России Татьяна Попова) оживила и приблизила к нам трех людей XIX века, мучавшихся любовью, тревогами и сомнениями, понятными во все времена, — самого Федора Ивановича Тютчева, его вторую супругу Эрнестину Федоровну и возлюбленную Елену Денисьеву.

Тютчев по школьному учебнику литературы: великий русский поэт, дипломат, любовная лирика, гражданская лирика, философская лирика, давно уже ставшие хрестоматийными цитаты... Таким было и мое первое знакомство с поэтом. Второе, через некоторое время, — поездка в Овстуг, недавно восстановленное имение семьи Тютчевых: прогулка по осеннему парку, чудный рассказ экскурсовода, а в самом доме со стен смотрят портреты трех женщин: Элеоноры Петерсон, Эрнестины Дербнер и Елены Денисьевой. Лица у всех разные, только чем-то схоже выражение глаз. И вот — третья встреча в музейном театре графа Каменского.

Пьеса Павла Павловского о том, что нельзя остановить угасания любви: как из тиканья часов рождается серебристый звон колокольчика, раскрывается глубинными, вибрирующими звуками виолончели и... снова возвращается к мертвенному тиканью. Иными словами, это надежда на спасительную силу новой любви, краткий расцвет чувства и убийственно ясное сознание того, что и оно «иззоет»:

Все, что сбереж мне удалось
Надежды, веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!
Все мы в свое время узнавали

уютном кабинете, укутанный в теплый плед и залитый мягким, золотисто-розовым светом, Тютчев (заслуженный артист России Михаил Корнилов) обреченно и одновременно с какой-то детской обидой жалуются на вечно настаивающую его пустоту в сердце, на немолчаливый ход времени, на неослабевающее чувство вины перед женщинами, которым не может дать ничего равноценного той любви, которую они питают к нему. Именно жалуются — такую же кающуюся интонацию сохраняет он и в письмах-разговорах с женой Эрнестиной Федоровной (заслуженная артистка России Татьяна Попова),

когда горят в бронзовых подсвечниках свечи и нет рядом никого, кроме этого лица, этого голоса... Бесконечно терпеливая, готовая выносить любовные и любые иные безумства мужа, склонного объяснять все волей Провидения, она являет собой полную противоположность Федору Ивановичу. Тот, лишь на время оживленный, вдохновленный внезапным наплывом чувства, вечно готов разгуляться обратно в бездну равнодушия. Она же любит долго, самоотверженно при кажущихся внешних сдержанности и даже строгости: каким тоном она говорит, какими глазами смотрит на своего великого мужа! Сразу чувствуешь: он будто где-то заблудился, потерялся, а она... Она дожидается, выведет, успокоит.

«Дорогая, любимая, я так боюсь, я так виноват, я не могу Тебя уловить...» Это не о жене и не о Елене Денисьевой — юной возлюбленной поэта, почти девочке, подруге его дочери... Это вообще о любви.

Елена (Юлия Некрасова) — трепетная, где-то даже истовая, ни с кем не желающая делить своего любимого. Ее символы, ее атрибуты на сцене — темная от времени икона в золотом окладе, к которой ей так часто приходится обращаться как к единственному прибежищу, и букет васильков, букет из сна, букет жизни и смерти; в то время как образы Эр-

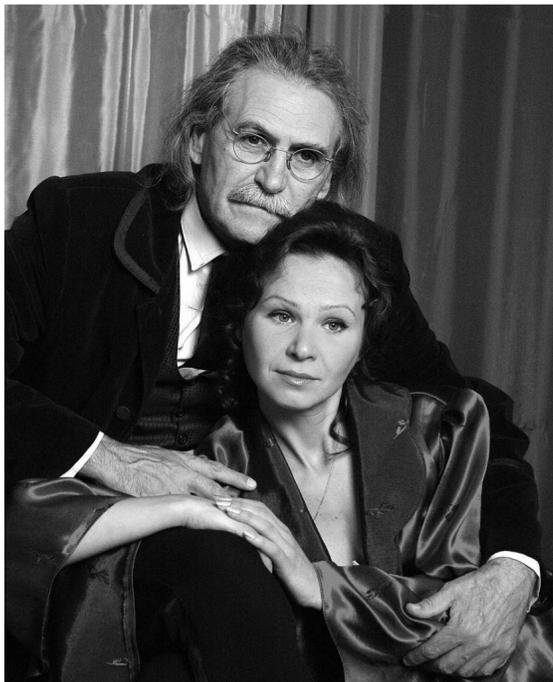

Фото Сергея ЧУПАХИНА.

нестины Федоровны — письмо и свеча, ожидание и огонь... Любовь из тайнства превращается в грех, который стыдно, невозможно выносить на люди. Жалкое, фальшивое положение Елены Александровны, обремененной заботами о детях и вынужденной вечно просить у любимого каких-то духовных гарантий, которых он не может дать и не хочет ей дать... Она угасает на его глазах, как перед алтарем, а он... будто и не пытаясь ничего сделать, поглощенный своей «философской»

покорностью судьбе.

Бедные, бедные!.. «Не могу Тебя уловить...» Так обращаться можно только к Той, чей образ постоянно ускользает за неизбежными бытовыми заботами. Жена, любовь, творчество, дети, присутствие при дворе, служебные обязанности... «Простого» человека давно бы уже заклеямили как магического, безответственного, но человек великий, человек искусства — совсем другое дело. Так ли? Все — люди. Все просят у богов смиренного очарования и жаждут, пусть временного, умиротворения. Ясно одно: кому дано много, с того и спросится по вышнему меру...

«Самое правильное, моя милая кисанька, это дать времени сделать свое дело: оно все унесет и все устроит...» (из письма поэта Эрнестине Федоровне Тютчевой от 9 сентября 1855 года).

Юлия АСТРАХАН.

Храм во тьме светит

В конце октября в самарской колонии для несовершеннолетних вспыхнул бунт. Охваченные нечеловеческой яростью подростки крушили все, до чего могли дотянуться руки. Колония после происшествия выглядела печально: разбитые окна, выломанные двери учебных классов и хозяйственных помещений, изувеченная мебель в спальнях корпусах и столовой. Уцелела лишь маленькая церквушка в самом центре колонии. У многих из тех, кто потом анализировал происшествие, этот факт вызвал недоумение. Как же так? Малолетние преступники громили те места, в которых приходилось жить, а храм во тьме тронули... На этот вопрос сами подростки отвечали так: «Церковь — единственное место, в котором мы чувствуем себя не изгоями, а людьми»...

Храмы сегодня действуют почти при каждой колонии. Многим оступившимся вера помогла вернуться к нормальной жизни. А может ли вера помочь тем, кто оступился, но остался на свободе? Дискутировать на эту тему можно до бесконечности, а вот воплотить эту идею весьма далеко не многие. Орловские милиционеры решились...

25 октября около тридцати подростков, совершивших преступления, посетили святое место нашего города. Эта акция была организована сотрудниками инспекции по делам несовершеннолетних. Рассказать ребятам об истории орловских храмов вызвал клирик Ахтырского (Никитского) кафедрального собора — иерей Георгий Волобуев.

«Братся за такое непростое дело было страшно, — говорит заместитель начальника управления деятельности участковых исполнителей милиции и по делам несовершеннолетних УВД Орловской области полковник Надежда Ивановна Яровая. — Ведь было неясно, каково отношение к вере у оступившихся ребят».

Поначалу поводов для переживания у инспекторов было хоть отбавляй. Усевшись в автобус, парни принялись вяло переругиваться, а девочки с азартом делились впечатлениями проведенного накануне вечера. Да и величие Ахтырского кафедрального собора поначалу не взволновало ребят. Они угрюмо топтались посредине храма и прятали в ладони зевоту. И лишь рассказ отца Георгия зажег в глазах юносов искорки неподдельного любопытства. Свя-

щенник подолгу останавливался у каждой иконы.

Негромкий и чистый голос отца Георгия заставлял ребят стряхнуть с себя дремоту и расправить плечи.

Стало до жути интересно узнать, почему врачеватель Георгий стал покровителем воинов и отчего так много имен носит икона Божией Матери.

В проповеди священника не было менторской назидательности. «Я в церкви бывал не раз, — говорит паренек, у которого за спиной несколько краж. — Бабка в деревне живет. Там большая церковь. А попов всегда боялся — суровые, не улыбаются, поют непонятно. А отец Георгий с нами говорит как с равными».

Он и впрямь очень искренен и дружелюбен. В той экскурсии он находил слова для каждого, тепло улыбался, слушая наивные ребячьи вопросы. Уже в Николо-Песковской церкви ребята подошли к иконам и, пока еще чуть стеснясь, осеняли себя крестом.

Вспомнил один яркий эпизод. Одного опоздавшего парня инспекторы привели прямо к воротам церкви. Подросток приехал не один, с мамой. Невысокая женщина, пряча слезы, пыталась завести сына в храм. Тот смотрел на мать исподлобья и наотрез отказывался переступить порог церкви: «Не пойду, там голова у меня кружится, да и попов терпеть не могу». Вышедшего из ворот храма отца Георгия парень встретил колочим взглядом. Тот подошел к мальчугану, потетически положил ему на плечо большую теплую руку и улыбнулся. Мальчишка замер и тоже ответил ему улыбкой. Год назад Дима стал свидетелем страшной автокатастрофы, в которой чудом уцелел, но потерял отца. После этого мальчишка заскорнул душой и окончательно у-

тратил веру в себя. За этот год он умудрился угнать автомобиль, забросить учебу и серьезно испортить отношения с мамой. «Хулиган!» — самое малое, что он слышал все это время. А тут вот высокий улыбающийся батюшка подошел и говорит с ним, как с нормальным, достойным человеком.

Весь оставшийся путь Дима не отходил от священника. В церкви иконы Смоленской Божией Матери вместе с другими ребятами он уже зажег свечи у икон.

После посещения церкви Орла ребята и их наставники двинулись к святому источнику, несущему свои хрустальные воды в нескольких десятках километров от Орла. Позабыв о слякоти и ледяном ветре, ребята опускаясь в святую воду, а после с раскрасневшимися от восторга лицами мчались к вершине холма, на котором стоит старинная церковь.

«Эх, сюда бы зимой приехать. На санках погонять. — А на лыжах с этой горки съехать еще круче...»

«Обязательно приедем, ребята, — смеется отец Георгий. — Чаю в термосе нальем, пирогов напечем и покажемся».

Весь обратный путь ребята делились впечатлениями от поездки. Кому-то очень понравилось высоченный купол Песковской церкви, кого-то впечатлило огромное — в человеческие рост — деревянное распятие, на котором Иисус настолько правдоподобно изображен, что становится не по себе.

«Вот теперь можно смело сказать, что все наши хлопоты оказались не напрасными, — с удовлетворением отмечает Надежда Ивановна Яровая. — Очень хочется верить, что вера поможет ребятам найти в себе силы вернуться к нормальной жизни».

В этот вечер случилось еще одно важное событие. Диму, того самого парня, который не желал войти в храм, отец Георгий взял под опеку. По духовную опеку. Это важно, потому что теплоты и ласки, которые дарит мать, у парня хватает, а вот душу просветить некому.

Отец Георгий к своей новой миссии отнесся очень серьезно. «Теперь на мне лежит большая ответственность. У парня доброе сердце, только надо открыть его очень сложно. С Божьей помощью сделаю все, что от меня зависит. Мне очень хочется, чтобы Дима, да и все те, кто оступился, отыскали свой храм в темноте».

Юлия ГЕРДТ.

Иван АЛЕКСАНДРОВ

Бамовец из Гудилово

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(Окончание. Начало в № 181.)

Житейские беды с детских лет преследовали Ивана. Не покидали они его и здесь. В октябре 1974 года в гололед машина с лесорубами на борту соскользнула под обрыв. Четверо ребят погибли. Володя Бочков и Иван Машков чудом остались живы. Попали в больницу. Выручая товарищей, Иван едва не лишился головы. Провалился несколько недель на больничной койке и с забинтованной шеей вернулся на работу.

Между тем Машков вовсе не походил на ангела с крыльями. Порой он был обидчив, вспыльчив, горяч в спорах. Терпеть не мог сачков и прощелы, которые гонялись за длинным рублем, «за туманом и за запахом тайги».

«Романтика — это работа!» — запальчиво повторял он, может быть, самый романтичный из всех бамовцев. Наверное, не лишен он был и затаенного тщеславия, но такого, которое бросает в огонь и в воду ради достижения общей цели.

Были в жизни Машкова не только тяжкие будни, но и радостные минуты. В августе 1978 года делегация орловцев на четырех мотоциклах «Ява-380» совершила удивительный прогреб по БАМу. Встречали их приветливо и радушно. В поселке Звездном их пригласили в музей трудовой славы, где красовались портреты земляков. Орловцы от души благодарили хозяев за оказанную честь, а на память подарили музею вымпел и отчеканенный портрет И.С. Тургенева.

По всему БАМу орловцы встречали своих земляков: в Усть-Куте — Володю Бочкова, в Кунерме — Сергея Зиновкина, в Кичере — братьев Графовых. Передавали всем приветы из дома, а Ивану Машкову — юморные пожелания от друзей-дормашевцев. По всей трассе, где мелькали мотоциклы «Орел-БАМ», загорались от радости глаза.

Орловцы не раз навещали своих земляков, разбросанных по всей магистрали. В

сентябре 1984 года агитпоезд ЦК комсомола шумно колесил по БАМу. Среди артистов заметно выделялся популярный певец Орловской филармонии Лев Георгиевич Мокров вместе с известными баянистами — Михаилом Репкой, Анатолием Ковергиным и Виктором Михеичевым. Естественно, им не терпелось повидаться со своими земляками. Они отмахали семьсот километров, чтобы попасть на Бурятский участок, в бригаду Александра Бондаря, где трудятся братья Графовы, Бочков и Машков.

Встреча была шумной и радостной. Подкачала погода. Шел дождь, а концерт продолжался. Ребята, промокшие и взъерошенные, были в восторге от музыки, песен, душевных разговоров. Особенно азартно хлопал артистам землякам Машков: у него самого была артистическая натура, еще в детстве пристрастился он в деревне к частушкам, песням, пляскам. В детском доме Иван охотно посещал драматический кружок, ходил на сцену. Сейчас тоже не оставался в стороне. Машкову явно повезло: в бригаде Александра Бондаря был свой театр, да не простой, а народный, известный на весь БАМ. Носил он романтическое название — «Молодая гвардия». Это не случайно: ребята знали, что они тоже совершают подвиг — трудовой.

Юморной, занозистый, дерзкий, Иван по своему характеру походил на Сергея Тюленина. Ему и поручили сыграть эту роль. У многих утешало билось сердце и загорались глаза, когда он произносил: «Я, Сергей Тюленин, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь!..» Друзья подшучивали над ним, а он, чувствуя свои промахи, старался играть еще старательней и азартней. Роду, романтику по натуре, подвигшему спустя три года после Победы на многообразной мценской земле, где полтора года гремели бои, где еще пахло пороховой гарью, подвиг краснодонцев особенно бередила душу. Не знаю, ведал ли он, что Сергей Тюленин был его ближайшим земляком,

доброосовестно выполняли «национальный проект» по демографии. За какие-то десять лет бамовская молодежь справила тысячи шумных свадеб и произвела на пользу Отечеству свыше шестидесяти тысяч ребятских, которые уже в пеленках горланили: «Я — хозяин БАМа!».

Весь БАМ был пронизан светом. Еще строились жилые поселки, а в столовых и общежитиях шли фильмы: «Чапаев», «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия». Встретиться с бамовцами приезжали известные артисты, писатели, композиторы. Их горячо принимал последний из оставшихся в живых героев Краснодона — Василий Левашов.

«Милая, славная молодежь — мужественные строители Байкало-Амурской магистрали! — обращалась к бамовцам Елена Николаевна Кошвеева,

мать Олега. — Спасибо вам за верность традициям, за огромный энтузиазм, который наполнены ваши молодые сердца, за целеустремленность».

Орловские ребята с нетерпением ждали весточки из дома, от души радовались появлению земляков на БАМе. Встречи с ними пробуждали у Ивана Машкова невольные воспоминания о красивом деревском доме над горювильской речушкой. Иван часто навещался в гости к старику На-

машкову с запада, от Байкала — бригада Александра Бондаря, а с востока, от Амура — бригада Ивана Варшавского. Стыковка западной и восточной веток магистрали было намечено осуществить 29 октября — ко дню рождения комсомола. Однако это событие произошло гораздо раньше, ибо подготовка шла вдохновенно.

Стояла теплая, солнечная осень. У Байкала швел багряная. Символическая укладка «золотого звена» магистрали состоялась 1 октября 1984

года на небольшой станции Куанда. Осуществляли эту почетную операцию самые достойные из бамовцев. Настал звездный час Ивана Машкова. Вот как описывает это событие один из очевидцев: «В торжественной тишине прозвучала команда: «С стыковки главного пути Байкало-Амурской магистрали приступили!».

Трубно просигналив, вздрогнули путеукладчики, напряглись тросы, и «золотое звено» мягко опустилось на полотно насыпи.

Замелькал гаечный ключ в руках Ивана Машкова. Грянул оркестр... Пушечная канонада раскатилась над сопками, а в небе расцвел букет огней, и толпа снова зашумела и заволновалась, радовалась невиданному зрелищу дети... Это подвигу бамовцев салютовала страна!»

Бамовская молодежь заслу-

шала эту честь. Ленинский комсомол совершил героический подвиг во славу своего Отечества. Стройка века осуществлялась в неимоверно тяжелых условиях: зимой — морозы до 60 градусов, летом — неносная жара, комары и прочая гнусь. «А все-таки хорошо идти вперед!» — признавался Машков в минуты откровения.

За десять лет бамовцы проложили от Байкала до Амура рельсовый путь протяженностью в 3500 километров! По обе стороны магистрали выросли поселки, а также три крупных города: Северобайкальск, Тунда, Нерюнгри.

Впереди было еще много дел. Строились жилые, детские, школы, дворцы культуры. Проводились бамовские встречи, слеты, фестивали.

По-прежнему театр «Молодая гвардия» показывал свой коронный спектакль и возмужавший Иван Машков возлюбленным голосом произносил: «Я, Сергей Тюленин, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь!..»

Эхо этой клятвы доныне разносится по БАМу: ни шум тайги, ни свист ветра не в силах его заглушить...

P.S. Бывают же такие совпадения! Спешу во Дворец культуры, чтобы перенять картинку из книги «От Байкала до Амура», где Иван Машков ловко орудует гаечным ключом при укладке «золотого звена» магистрали. Прохожу по улице Дзержинского мимо детского дома. На площадке у раскрытых ворот возбужденные подростки гоняют колесо от сломанного велосипеда. Подхожу к ним, раскрываю книгу, спрашиваю:

— Вам нравится этот парень?

— Ух, ты, какой крутой! — вскинулся один.

— А кто это такой? — удивился другой.

— А это Иван Машков, — объясняю им. — Он живет в Сибири, но ваш земляк. Когда-то он вот так же носился по этой площадке, а потом прокатился на весь БАМ!

— Позавидуешь! — сказал третий.

Мценский район.

